

СТАВЕРН

ЗАВТРА ТЫ МЕНЯ ЗАБУДЕШЬ

АЛИНА КЕСТ

18+

18+

Алина Кест

Завтра ты меня забудешь

«Автор»

2026

Кест А.

Завтра ты меня забудешь / А. Кест — «Автор», 2026

В унаследованной гостинице у моря архитектор Ника Вейл находит комнату, где можно увидеть своё будущее. Плата за просмотр — сутки жизни. Семеро гостей не могут выйти из «Белого прилива», и Ника решает вернуть их. Ей помогает Север Дорн, бывший спасатель. Пока они ищут путь через меняющиеся коридоры, осторожное доверие перерастает в близость. Но в воскресенье, в дванадцать, гостиница закрывает счёт — и времени разобраться в её правилах почти не осталось.

© Кест А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Человек, который опоздал на десять лет	5
Глава 2. Дверь на плане	10
Глава 3. Цена одной ночи	15
Глава 4. В два семнадцать	20
Г	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Алина Кест

Завтра ты меня забудешь

Глава 1. Человек, который опоздал на десять лет

Мужчина у стойки держал раскрытый паспорт двумя руками.

— Посмотрите, — попросил он. — Только сначала посмотрите.

Я решила, что он обращается к управляющему, и поставила чемодан возле кресла. У чемодана сломалось колёсико на последней пересадке; стоило выпустить ручку, как он с глухим стуком лёг набок. Никто не обернулся.

— Господин Белл, — сказал Леонард, — мы уже всё посмотрели. Вам нужно сесть.

— Там я.

Мужчина ткнул в фотографию, потом коснулся своего лица, словно проверял, осталось ли оно на месте. Пальцы дрожали. У него были редкие седые волосы, тёмные впадины под глазами и серая кожа над воротником рубашки. Рубашка выглядела новой. Даже слишком: на сгибе рукава сохранилась складка от упаковки.

Я подошла.

На фотографии был тот же человек, только лет на десять моложе. Такое случалось с паспортными снимками. Со мной, например, за десять лет произошло обратное: на последней фотографии для документов я выглядела так, будто организовала собственное похищение и уже пожалела.

— Когда вы фотографировались? — спросила я.

— Три месяца назад. Потерял старый паспорт. Мне сорок семь.

Он произнёс возраст с надеждой, будто достаточно было назвать правильную цифру, чтобы всё исправилось.

— У вас что-нибудь болит?

— Ноги. И вот здесь.

Ладонь легла на грудь. Я взяла его за локоть и почувствовала сквозь ткань неприятную холодную влажность.

— Садитесь. Леонард, вызовите скорую.

— Ника, дорогая, ты только приехала. Здесь всё под контролем.

Я посмотрела на него. Последний раз мы виделись шесть лет назад, когда тётя Эльза приезжала в мой город на выставку реставрационных материалов и зачем-то привезла с собой управляющего. Тогда он носил серый костюм с безукоризненно ровными манжетами. Теперь костюм был тёмно-синим, а сам Леонард почти не изменился: аккуратная борода, густые брови, внимательный взгляд человека, который уже знает, какой ответ покажется вам самым удобным.

— Тем лучше. Вызовите.

Он потянулся к телефону, но Симон вдруг попытался встать. Колени подломились. Я удержала его, ударившись бедром о край низкого столика, и усадила обратно.

— Извините, — сказал он. — Я не пьяный.

— Я так и не подумала.

Подумала я о сердце, обезвоживании, плохих лекарствах и о том, что в собственном доме встретила первого гостя ровно в тот момент, когда тот собрался в нём умереть. Дом ещё не вполне был моим, но ответственность, видимо, передавалась быстрее остальных прав.

Леонард говорил в трубку. Я слышала слова «переутомление» и «эмоциональное состояние».

— Боль в груди, слабость, холодный пот, — подсказала я громче. — Сознание ясное.

Симон судорожно полез в карман. Вместе с телефоном на ковёр выпал ключ с латунной шестёркой. Телефон он сунул мне в руку.

— Вчера. Это вчера.

На экране была фотография: мужчина в той самой рубашке сидел у моря и держал бумажный стакан. Сзади висела красная вывеска рыбной лавки возле вокзала — я прошла мимо неё полчаса назад. Волосы на снимке были темнее и гуще. Щёки — полнее. Я невольно перевела взгляд с фотографии на лицо Симона, и он заметил.

— Вот, — шепнул он. — Вы тоже видите.

— Вижу, что вам плохо.

Это было уклончиво и несправедливо, но других честных слов я пока не нашла.

Из двери за стойкой вышла женщина в тёмном платье и кроссовках. На плече у неё лежало кухонное полотенце. Она принесла плед, опустилась перед Симоном на корточки и накрыла ему ноги.

— Мара, — сказал Леонард, — воды.

— Диспетчер воду разрешил?

Он ничего не ответил.

— Тогда дождёмся врачей, — решила она.

Мне понравилась её привычка спрашивать о существенном.

Под столиком что-то блеснуло. Я подняла ключ. Он был неожиданно тяжёлым, тёплым, с длинной бородкой. Под цифрой шесть проходили две соседние царапины — будто его дважды с силой зажимали в инструменте. Одна темнела старой грязью, вторая сияла свежим металлом.

— Это ваше?

Симон увидел ключ и отдёрнул руку.

— Больше не надо.

Леонард протянул ладонь через стойку.

— Я уберу.

— Пока пусть будет у меня, — сказала я и положила ключ в карман пальто. — Чтобы не потерялся.

Управляющий задержал на мне взгляд. Затем улыбнулся, почти растроганно.

— Эльза тоже всегда старалась всё сохранить.

От её имени у меня сжалось горло. Девять дней назад я читала письмо подрядчика о переносе оплаты, когда позвонили из Ставерна. Я успела на похороны, успела простоять под дождём возле свежей земли, но в гостиницу тогда не зашла: нотариус принял меня в городе, Мара передала сумку с тёгиными вещами, а вечером пришлось уехать. Сегодня я вернулась с расчётом за три дня разобрать документы, осмотреть дом и найти агента по недвижимости.

Мара открыла входную дверь. Снаружи донеслась сирена.

* * *

Врач задавал короткие вопросы. Я держала телефон Симона, пока медсестра крепила манжету ему на плечо.

— Телефон с собой возьмёте? — спросила я.

— Да. Там сестра.

Он назвал контакт, попросил написать, что его везут на обследование. Я набрала короткое сообщение и показала ему перед отправкой. Симон кивнул. Потом осторожно взял телефон, словно теперь не доверял собственной руке.

— Вы хозяйка?

— Вероятно, да.

— Тогда не отдавайте ему ключ.

Он смотрел мне в глаза и ждал ответа.

— Сейчас вам нужно в больницу, — сказала я. — Остальное потом обсудим.

Симон закрыл глаза. Я уже собиралась уступить место врачу и отойти, но так и не ответила ему про ключ.

— Ключ останется у меня, — добавила я.

Скорая уехала в двенадцать сорок. Мара собрала с пола упаковку от электродов, Леонард поправил подушку в кресле.

«Белый прилив» пах воском, солёной влагой и печёным луком. На потолке сохранилась широкая лепнина без позолоты — простая, тяжёлая, рассчитанная на простор и дневной свет. Света как раз не доставало. Три окна, выходившие к морю, закрывали плотные шторы, а под лестницей горела настольная лампа с жёлтым абажуром. По ковру тянулась вытертая дорожка. Люди ходили здесь одним и тем же путём много лет, и ворс запомнил их лучше, чем мебель.

— Он приехал здоровым? — спросила я.

— Мы не проводим медицинский осмотр гостей.

— Я спрашиваю, как он выглядел.

Леонард поднял мой чемодан и выдвинул ручку.

— Очень усталым. Кажется, неприятности на службе. Он говорил о работе даже за ужином. Есть люди, которые не умеют отдыхать.

— Есть люди, которые стареют за ночь?

— Тяжёлое потрясение иногда меняет человека сильнее, чем годы.

Ответ звучал достаточно правдоподобно, чтобы не спорить, и слишком гладко, чтобы успокоиться.

Я сняла пальто. Мара перехватила его прежде, чем Леонард успел подойти.

— Ключ в правом кармане, — предупредила я.

— Значит, пусть там и будет.

Она повесила пальто на крючок за стойкой, у меня на виду.

— Комната вам приготовлена внизу. Бывшая гостиная Эльзы. Наверху ветер свистит, не выпитесь.

— Я всё равно сначала осмотрю дом.

— Дом никуда не денется. Чай будете?

— Крепкий. Если есть варенье...

— Отдельно, — закончила Мара. — Помню.

Она ушла на кухню, а я посмотрела ей вслед. В детстве я знала Мару с чёрной косой, теперь она коротко стриглась. Голос остался прежним. Его оказалось достаточно, чтобы снова почувствовать себя девочкой, которой разрешили сидеть у служебного входа и чистить смородину.

Леонард положил на стойку папку.

— Нотариус ещё разбирается с наследством, а дом нужно содержать сейчас. Я подготовил перечень имущества и расходов. Посмотри, пожалуйста.

— Документы я посмотрю. Но с продажей придётся подождать оформления.

— Разумеется. Я говорю о внутреннем учёте. Эльза считала его важным.

Из-под счетов за электричество и ведомостей он достал толстую книгу в белом переплёте. Кожа пожелтела по краям, но середина оставалась чистой, словно книгу всегда брали только в перчатках. На обложке не было названия.

— Гостевой журнал?

— Хозяйственный. Новую неделю открывает владелец или его заместитель. Теперь это лучше сделать тебе.

Он перевернул несколько страниц. Я увидела даты, имена, круглые тиснёные знаки без чернил. На чистом развороте было напечатано: «Открытие расчётной недели». Ниже — место для имени и подписи.

— В бухгалтерской программе это не ведётся?

— Ведётся. Книга старше программы.

За окном ударил порыв ветра, и шторы шевельнулись, хотя рамы были закрыты. Я прижала угол страницы. Леонард подал ручку.

Я написала: «Вероника Вейл». Потом, в графе принятого имени, которую он указал, — «Ника Вейл». Поставила сегодняшнюю дату, время приезда — двенадцать четырнадцать — и подпись. Время я помнила точно: в эту минуту посмотрела на телефон возле входа, собираясь сообщить отцу, что добралась.

Бумага под ладонью была прохладной. Ничего не вспыхнуло, окна не распахнулись. Только где-то под лестницей негромко щёлкнуло, как щёлкает термостат старого радиатора.

— Спасибо, — сказал Леонард.

Он закрыл книгу раньше, чем я успела взглянуть на предыдущий разворот.

* * *

Чай успел настояться до коричневой горечи. Мара поставила рядом розетку с вишнёвым вареньем и тарелку тёплых лепёшек. Я села за круглый стол у окна и открыла папку с расходами.

Цифры были такими, что продавать гостиницу захотелось немедленно. Но после двух страниц я увидела обычную запущенность: одна крыша ремонтировалась частями четыре раза, вентиляцию чистили без обследования, на отопление уходило слишком много. Дом не был безнадёжным. Его долго латали так, чтобы дотянуть до следующего сезона.

Я невольно начала считать. На полях ведомости появилась сумма ремонта крыши. Я обвела её, прикинула, сколько вернётся при продаже, и снова посмотрела на перечень работ. Приехала я вовсе не для этого.

Входная дверь открылась без звона. Над ней висел обычный колокольчик, но язычок был обмотан тканью.

Мужчина, вошедший с улицы, сначала посмотрел на лестницу. Потом — на шторы, переносной обогреватель у стены и стул, подпиравший дверь служебного коридора. И только после этого на нас.

У него было усталое лицо, тёмные волосы и седая прядь возле виска. В одной руке он держал тонкую папку, в другой — мотоциклетный шлем. На куртке темнели мелкие дождевые пятна. Он не выглядел человеком, которого приглашали на чай, и, вероятно, знал об этом.

— Добрый день. Кто сейчас отвечает за объект?

— Я, — сказала я, вставая. — Ника Вейл.

Он посмотрел на меня внимательнее.

— Север Дорн. Пожарная безопасность.

Удостоверение я прочла до конца. Подняла глаза — он всё ещё смотрел на меня. У него были серые глаза и низкий, немного хриплый голос. Я вернула документ и только потом заметила, что держу папку прижатой к груди.

— Сочувствую вашей утрате.

Он произнёс это просто и замолчал. Мне неожиданно захотелось ответить правду: утрата пока казалась ошибкой в календаре. Я всё ждала, что кто-нибудь её исправит.

— Спасибо.

Леонард подошёл к нам.

— Инспектор Дорн хорошо знает наш дом. Даже чересчур хорошо.

— Это не преимущество, — ответил Север.

Он положил папку на стойку и развернул предписание. Нарушения касались путей эвакуации, сигнализации и самовольной заделки служебного проёма. Последний пункт заставил меня поднять глаза.

— Какого проёма?

— Покажу. Если вы разрешите осмотр.

— Вы собираетесь закрывать гостиницу?

— Если выход заблокирован — верхний этаж. Сначала надо посмотреть.

Я взглянула на обведённую сумму. Покупатель захотел бы увидеть работающую гостиницу.

— Хорошо. Показывайте.

Леонард тихо вздохнул.

— Ника приехала меньше часа назад. У нас только что увезли гостя, она даже не поела.

Север перевёл взгляд на мою тарелку, потом снова на меня.

— Еда может подождать десять минут, — сказала я. — Дом, насколько я понимаю, тоже стоял до вашего появления.

— Именно поэтому я ещё разговариваю с вами здесь, а не составляю акт после пожара.

Он сдвинул предписание ко мне. Я увидела под его пальцем слово «заблокирован» и перестала смотреть на тарелку.

— Я архитектор, — сказала я. — Со мной можно без страшных примеров.

— Тогда начнём с плана.

Он убрал удостоверение. Рукав куртки сдвинулся, обнажив на левом запястье неровный светлый след ожога. Я задержала взгляд на секунду дольше, чем следовало. Север заметил и опустил руку.

Мара стояла в кухонной двери и смотрела на него, вытирая руки полотенцем.

— Вы слышали колокол? — спросил он меня.

— Какой?

Север посмотрел на белую книгу под рукой Леонарда.

— В два семнадцать.

Я машинально взглянула на часы. Был час дня.

— Ночи? Меня здесь ещё не было.

Он кивнул. Удовлетворения на его лице не появилось.

— Тогда запомните это время.

Глава 2. Дверь на плане

— Если вы хотите, чтобы я запомнила время, объясните зачем.

Север вынул из папки прозрачный файл.

— Сначала проверим выходы.

— Удобно. Вы задаёте вопрос, я отвечаю. Я задаю вопрос, мы проверяем выходы.

Он посмотрел на меня и чуть улыбнулся.

— Справедливо. Поступали жалобы на ночной звон в этом здании. Мне нужно установить источник.

— А для этого обязательно приходить с предписанием?

— Для этого — нет. Для заделанной эвакуационной двери — обязательно.

Он протянул мне лист. Копия старого поэтажного плана была настолько бледной, что окна напоминали случайные карандашные пометки. Тем не менее дверь там была: в конце коридора второго этажа, возле восьмого номера. Она вела в позднюю пристройку.

— Давайте лучше за стол, — предложила я.

Мы вернулись к моему чаю. Я отодвинула тарелку и расправила лист ладонями. Север поставил шлем на пол; Леонард остался у стойки — достаточно далеко, чтобы не мешать, и достаточно близко, чтобы слышать каждое слово.

На плане старый гостиничный корпус представлял собой вытянутый прямоугольник. Лестница поднималась из вестибюля к восьми комнатам, по четыре с обеих сторон коридора. Поздняя кирпичная пристройка со служебной лестницей примыкала к торцу. Над вторым этажом располагалась мансарда — низкая, без гостевых помещений, с техническим люком под скатом. Если верить копии, план был простым и внятным. Хорошие здания часто начинались именно такими, а потом обрастали чужими представлениями об удобстве.

— Где именно заложили проём? — спросила я.

Север поставил палец на служебную дверь.

Пальцы у него были длинными, с короткими ногтями. На костяшке среднего пальца белел свежий след ссадины. Я отметила эту мелочь с совершенно ненужным интересом и потянулась за телефоном.

— Разрешите сфотографировать?

— Я пришлю файл.

Мы обменялись номерами. Он подписал мой контакт «Ника Вейл, Белый прилив». Я его — «Север Дорн». Добавлять «пожарная безопасность» не стала. Одного имени мне пока хватало, чтобы вспомнить и голос, и то, как он смотрел на меня поверх удостоверения.

— При временном ограничении эксплуатации я могу жить внизу? — спросила я.

— Если обычные помещения безопасны, да. Но верхний этаж нельзя продолжать использовать при заблокированном выходе.

— Совсем нельзя или после устранения замечаний можно?

— После устранения проверим снова. Но до этого наверху никто не ночует.

— Значит, мне нужны конкретные работы и сроки, — сказала я. — Закрытый этаж платить за себя не будет.

— По выходу дамперечень после осмотра. Срок ремонта вы определите со строителями. Я убрала руку с края его папки. Пока он отвечал по делу, спорить было не с чем.

* * *

Наверх мы поднялись втроем. Леонард шёл впереди, называя годы косметических ремонтов, и безошибочно обходил третью ступеньку, которая просела посередине. Я задержалась возле неё.

— Подступёнок треснул, — сказал Север.

— Я вижу. Тетива с этой стороны целая. Дайте проверить, как закреплена проступь.

— Я и не тороплю.

Он остановился ниже, чтобы я могла осмотреть боковое крепление. Мне пришлось признать, что первой с ним спорить начинала я.

Второй этаж пах холодной древесиной и чистящим средством с лавандой. В коридоре лежал узкий синий ковёр. По левой стене висели гравюры кораблей, по правой — три зеркала, каждое чуть выше человеческого роста. Я машинально поправила первую гравюру.

— Всё-таки семейное, — заметил Леонард.

— Что?

— Всё ставить на своё место.

Он улыбнулся, и я не поняла, было ли это ласковой шуткой.

Над дверьми крепились латунные номера. Рядом с каждой замочной скважиной темнел маленький круглый винт. Двери были разными: у первой — новая ручка, у пятой — старая трещина, залитая лаком. Но латунные пластины под замками словно изготовили одновременно.

Я остановилась возле шестой.

— Здесь жил Симон?

— До сегодняшнего утра, — ответил Леонард.

— Можно посмотреть?

— Там его вещи. Дождёмся разрешения.

Это было разумно. Мне не нравилось, что разумные доводы сегодня в основном исходили от человека, которому я почему-то начинала не доверять.

У восьмого номера коридор заканчивался нишей с высоким шкафом. За стеклянными дверцами стояли ненужные вещи, которые гостиницы называли историей: три медных чайника, белая ваза без ручки, деревянная лодка на подставке.

— Проём за шкафом, — сказал Север.

— Там капитальная стена, — возразил Леонард.

— На плане — дверь.

— Планы иногда меняют.

— Капитальная стена от этого не возникает.

Я подошла к торцу. Шкаф не доходил до потолка, над ним сохранялась прямоугольная полоса чуть более светлой штукатурки. По краям шли две едва заметные вертикальные трещины. Заделанный проём. Неумелый штукатур спас мне несколько минут объяснений.

— Шкаф надо сдвинуть, — сказала я.

Леонард вздохнул.

— Сначала достанем стекло и посуду. У нас достаточно происшествий за один день.

Север проверил, не прикреплён ли шкаф к стене. Я вынула чайники, вазу и лодку, он снял стеклянную полку. На секунду наши руки оказались рядом на узком краю. Он подождал, пока я отпущу стекло, и только потом повернул его вертикально.

— Держите за низ, — сказала я.

— Держу.

— Это я себе.

Он тихо усмехнулся.

Леонард наблюдал за нами, сложив руки перед собой. Когда мы сдвинули шкаф, открылся контур двери, зашитой листовым материалом и покрашенной вместе со стеной. Север присел у плинтуса. Я увидела чёрную пыль на кончиках его пальцев.

— Старый след? — спросила я.

— Да.

С краю, под отставшей полосой краски, проступила обугленная древесина. Когда-то здесь стояла другая дверная коробка. Огонь съел её неравномерно, глубже всего — на уровне замка.

Север провёл пальцем вдоль края и сразу вытер руку салфеткой. Движение было резким, почти брезгливым. Я посмотрела на его запястье, но рукав оставался на месте.

— Пожар был здесь?

— В старом корпусе.

— Я помню только, что тётя перестала меня сюда пускать. Мне сказали, шёл ремонт.

Леонард переставил медный чайник на пол.

— Тогда всем хотелось поскорее забыть.

Север поднялся.

— Не всем удалось.

Разговор закончился. Он сделал несколько фотографий заделки, измерил ширину и начал диктовать мне, что нужно проверить снизу. Я записывала, одновременно считая шаги от лестничной площадки.

Двадцать семь. Двадцать восемь.

На двадцать девятом начинался шкаф.

Я вернулась к лестнице и прошла ещё раз, медленнее.

— Что? — спросил Север.

— Пока не знаю.

Из сумки я достала рулетку. Архитектор, который приезжал продавать старый дом без рулетки, существовал бы только в рекламном буклете о лёгкой жизни. Леонард предложил лазерный дальномер; я попросила принести и его.

Мы измерили длину коридора и сверили её с наружным размером на плане. По расположению окон я проверила, откуда шёл отсчёт. Разница оказалась слишком большой для толщины стен.

— Между восьмой комнатой и морским торцом должно оставаться не меньше двух метров, — сказала я.

— Шахта? — предположил Север.

— Широкая для вентиляции. Узкая для нормального номера. Но коридор заканчивается раньше наружной стены.

Леонард вернулся с дальномером.

— В старом доме много пустот. Трубы, дымоходы. Эльза просила не трогать морскую стену: она всегда набирала влагу.

Я направила луч на торец. Красная точка дрожала на белой краске.

Север встал рядом. Я повернула к нему дисплей; мы наклонились одновременно и едва не столкнулись лбами. Он отступил первым, а я с досадой поняла, что придётся снять размер ещё раз.

Разница не исчезла.

— Нужен исходный обмерный план, — сказала я. — До ремонтов.

— Посмотрю в служебных материалах.

— Мне тоже.

— Что — вам тоже?

— Пришлите то, что найдёте. Если хотите, чтобы я правильно устранила нарушения.

Пауза была короткой, но ощутимой.

— То, что касается здания, пришлю, — ответил он.

Я не стала спрашивать, что ещё могло относиться к старому пожару. После его последней реплики возле стены это было бы не деловым вопросом, а попыткой открыть чужую дверь ногой.

* * *

К четырём часам Север ушёл. Обогреватель с повреждённым шнуром мы отключили сразу. До завтра требовалось освободить служебные двери первого этажа и предоставить доку-

менты на сигнализацию. Решение по верхнему выходу зависело от совместного осмотра со специалистом. Леонард обещал, что новых обычных постояльцев сегодня не будет, а двое оставшихся переночуют в безопасных комнатах внизу.

— Кроме согласованного посещения, — добавил он, когда мы уже стояли в вестибюле.

— Какого посещения? — спросила я.

— Эльза принимала одного постоянного клиента по понедельникам. Он не останется на ночь. Я всё объясню за ужином.

Север посмотрел на него.

— Верхний этаж не должен работать под другим названием.

— И не будет, инспектор.

Мне не понравился этот обмен репликами. Оба явно понимали больше, чем говорили вслух.

Я проводила Севера на крыльцо. Он закрепил папку под ремнём старого мотоцикла, стоявшего возле кустов тамариска. Ветер прижал к моим ногам полы тёмно-зелёного пальто.

— Вы серьёзно собираетесь продать гостиницу? — спросил он.

— В общем, да.

— Тогда не позволяйте сроку продажи определять срок ремонта.

— У меня есть профессиональная совесть.

Он обернулся. Серые глаза при дневном свете оказались светлее, чем в доме.

— Я заметил.

Я собиралась добавить ещё что-нибудь про свою квалификацию и передумала. Он уже затягивал ремень на папке. Мне захотелось задержать его хотя бы вопросом.

— И всё-таки, — сказала я, — когда вы найдёте источник ночного звона, сообщите. Я предпочитаю знать, какие ещё нарушения приобрела вместе с домом.

Север надел шлем, но стекло не опустил.

— Если что-то изменится в коридоре, не пытайтесь проверять одна.

— Что именно должно измениться?

Он посмотрел на окна второго этажа. Мне показалось, что он считает их.

— Вы умеете измерять. Измеряйте. И звоните, если показания перестанут совпадать.

Мотоцикл завёлся со второго раза. Это почему-то окончательно сделало его реальным.

До вечера я разбирала бумаги. Мара принесла тётины очки в потёртом футляре, упаковку леденцов от кашля и чашку с мелким рисунком. Я долго держала чашку. У ручки откололся кусочек глазури — знакомый острый край, о который я в детстве царапала палец. Всё огромное, что произошло за последние девять дней, вдруг поместилось в этом сколе.

— Она здесь работала? — спросила я, кивнув на закрытый кабинет.

— В последнее время там, — сказала Мара. — Раньше в мастерской.

— В какой мастерской?

— Где чинила всякое. Потом покажу. Ты сначала поешь.

Мара положила рядом ключ от кабинета. Я заметила, что, отдавая его, она посмотрела на моё пальто. Ключ шестого номера так и лежал в кармане. Когда я убрала его в сумку, она отвернулась.

После ужина стемнело быстро. Море исчезло за окнами, оставив только шум, и гостиница стала казаться больше. Я поднялась за забытым дальномером. На площадке включился свет с датчиком движения; впереди зажглась только одна из трёх ламп. Остальные Леонард обещал заменить.

Шкаф стоял отодвинутый. За ним белел прямоугольник заделанной двери.

Я уже наклонилась за прибором, когда услышала три удара.

Негромких. Не скрип и не стук трубы. Кто-то костяшками пальцев постучал с другой стороны.

— Здесь кто-нибудь есть?

— Не отвечай.

Мара стояла у лестницы с корзиной полотенец. На неё падал жёлтый свет, а за спиной начиналась темнота.

— Там человек, — сказала я.

— Я сказала: не отвечай.

За стеной постучали снова. Два раза, потом после паузы ещё один.

Я подошла ближе. По плану за этой дверью должна была находиться служебная лестница. Её нижний вход мы осмотрели днём: пыль, коробки, запертая решётка. Никого не было.

— Кто там? — спросила я, уже тише.

Мара поставила корзину на пол. Полотенце соскользнуло и осталось белым пятном у её ног.

Из-за заделанного проёма донёлся женский голос:

— Я не успела.

Мара закрыла глаза.

Я смотрела на ровную стену и впервые за весь день не могла придумать ни одного разумного действия, которое было бы достаточно быстрым.

Глава 3. Цена одной ночи

Я достала телефон и набрала номер службы спасения.

Мара не остановила меня. Она подняла упавшее полотенце, встряхнула его, аккуратно сложила и положила обратно в корзину. Угол полотенца пришлось поправить дважды.

Диспетчеру я назвала адрес, этаж, место заделанного проёма и повторила услышанные слова. Меня попросили не ломать стену самостоятельно и обеспечить доступ со стороны служебного входа.

— Где ключ от решётки? — спросила я Мару.

— У стойки. Третий справа.

— Пойдёмте.

— Я знаю дорогу.

— Я знаю. Но мне не хочется оставаться здесь одной.

Она посмотрела на меня, словно я сказала что-то неожиданное, и взялась за корзину. Я подхватила её с другой стороны. Вместе мы спустились вниз.

Прежде чем отпереть служебный вход, я написала Северу: «За заделанной дверью слышен женский голос. Вызвала помощь». Он позвонил, когда я вставляла ключ в замок.

— Где вы сейчас?

— Внизу. Открываю пристройку.

— Одна?

— С Марой.

— Не поднимайтесь в темноте. Дождитесь дежурных. Есть дым, запах гари?

— Нет. Есть голос. Возможно, человек.

На том конце стало тихо.

— Правильно, что вызвали. Я свяжусь с дежурной сменой. Стену пока не трогайте: нам неизвестно, на чём держится заделка.

— Я тоже знаю, что незнакомые стены не нужно разбивать плечом.

— Хорошо. Тогда мне осталось только попросить вас надеть обувь без каблуков.

Я посмотрела на свои ботинки. Каблук был невысоким, но для лестницы — лишним.

— Вы раздражающе предусмотрительны.

— Обычно жалуются на другое.

— На что?

— Что не даю работать до устранения нарушений.

— Уже понимаю, — сказала я.

Он коротко усмехнулся. Я сунула телефон в карман и пошла переобуваться.

Дежурные приехали через двадцать минут. Двое мужчин в рабочей форме осмотрели пристройку, проверили окна, простучали обшивку и прислушались у труб. Я стояла рядом и не мешала, хотя каждая минута казалась временем, которое кто-то терял за стеной.

На верхней площадке служебной лестницы обнаружился тупик. Прямоугольник заделанной двери угадывался и с этой стороны. Между обшивками было около двадцати сантиметров — туда не поместился бы человек. Морская стена дальше оставалась глухой.

Один из дежурных посветил в вентиляционную решётку.

— По каналам может прийти звук с другого этажа. Мы проверим помещения, в которые есть доступ. Скажите управляющему, пусть принесёт ключи.

Леонард принёс. Он не спорил, не пытался выпроводить людей и даже извинился за коробки на лестнице. Внизу проверили котельную, кухню, кабинет и подсобные помещения. Наверху отозвались двое постояльцев, которых как раз переселяли в нижние комнаты. Больше голос не повторился.

Мне объяснили, что при новом стуке нужно звонить сразу, желательно с записью. Ломать наугад стену за пределами заделанного проёма они не станут: ни дыма, ни следов человека там не нашли. Заявку зафиксировали. Я попросила номер обращения и записала его.

Когда машина уехала, Леонард задержался со мной у входа.

— Ветер иногда заставляет этот дом разговаривать.

— Ветер не говорит «я не успела».

— А мы иногда слышим слова там, где ждём их услышать.

— Я ничего не ждала.

Он посмотрел на меня почти с сожалением.

— Всё-таки отдохни, Ника. Ты с дороги.

* * *

Посетитель пришёл в девять с четвертью вечера. Он отряхнул зонт у порога, тщательно вытер ноги и спросил, можно ли теперь парковаться у боковой ограды. Мужчине было за пятьдесят; под курткой виднелся свитер с вытертыми локтями. При нём был пакет с яблоками.

— Мара просила передать, — объяснил он, заметив мой взгляд. — У нас урожай, а есть некому.

— Роберт Крейн, — представил его Леонард. — Наш давний гость. Роберт, Ника Вейл, племянница Эльзы.

Мужчина сразу перестал улыбаться.

— Примите соболезнования. Она мне очень помогла.

— Чем?

Он смущённо посмотрел на управляющего.

— Леонард не рассказал?

— Пока нет.

Леонард снял с крючка ключ с номером два и положил возле белого журнала.

— Есть услуга, которую Эльза оказывала немногим. Прежде чем ты составишь о ней мнение, лучше увидеть самой.

Мне захотелось потребовать объяснений. Но после стены, за которой говорила женщина, я устала вытягивать их из Леонарда. Я попросила Роберта сесть.

— Сегодня был случай с гостем. Вы знаете?

— Мне позвонили, что обычного заселения не будет. Я не остаюсь.

— Он почувствовал себя плохо. Поэтому я хочу понимать, что именно вы собираетесь здесь делать.

Роберт положил руки на колени.

— Посмотреть.

— На что?

— Получится ли у меня помириться с дочерью.

Леонард открыл белую книгу. На левом листе стояли прежние имена, на правом осталась моя сегодняшняя подпись. Ниже он вписал Роберта Крейна и дату. Затем повернул книгу к гостю.

— Напомню условия. За одну ночь — одни сутки вашей оставшейся жизни. Взамен вы увидите фрагмент одного возможного дня в пределах ближайшего года. Это вероятность, а не обещание. Ваши дальнейшие действия могут изменить её. Вы понимаете цену?

Я ждала улыбки, жеста, который перевёл бы услышанное в область игры. Роберт лишь кивнул.

— Да.

— Решение добровольное?

— Да. Вы каждый раз спрашиваете.

— Каждый раз необходимо спросить. Личный поворот ключа подтверждает согласие.

— Остановитесь, — сказала я.

Они оба посмотрели на меня.

— Вы серьёзно предлагаете человеку отдать день жизни?

— Ты слышала точную формулировку.

— Я слышала формулировку, которую используют мошенники, чтобы пожилой человек считал происходящее особенным.

— Мне пятьдесят два, — заметил Роберт. — И я пока способен отказаться без вашей помощи.

Я осеклась.

— Простите. Но я отвечаю за то, что здесь происходит. Неизвестные препараты или...

— Никаких препаратов, — сказал Леонард. — Ты можешь осмотреть комнату. Остаться возле двери. Роберт выходит сам. Физически это занимает несколько минут, хотя услуга с давних времён называется ночью.

Роберт взял ключ, но не повернул его и не сделал ничего похожего на ритуал.

— Я понимаю, как это выглядит, — сказал он. — В первый раз я сюда пришёл вместе с женой. Она потом решила больше не приходить. Я решил иначе. Вы можете не соглашаться, но это моя плата.

— Вы действительно считаете, что становитесь старше?

— На сутки. Не на год. Я иногда отдаю больше, просто просидев день на совещании.

Эта шутка была так узнаваемо человеческой, что мне стало не по себе. Даже нелепую цену люди умели сделать привычной, если она позволяла получить желаемое.

Я осмотрела второй номер. Обычная комната: кровать, кресло, умывальник за ширмой, зеркало напротив окна. Никаких напитков, посторонних запахов, экранов. Окно открывалось туго, но поддавалось. Я проветрила комнату и убедилась, что путь к основной лестнице свободен.

Запрет Севера я помнила. И всё же решила, что на несколько минут под моим присмотром гостя можно впустить. Мне хотелось наконец увидеть, что скрывал Леонард; этой причины оказалось достаточно, чтобы отмахнуться от остального.

— Я останусь рядом, — сказала я Роберту. — Если станет плохо, стучите. Или зовите.

— Хорошо.

Леонард держал белую книгу на узкой консоли у двери. Роберт вставил ключ в скважину, посмотрел на меня с неловкой улыбкой человека, за которым наблюдают при странном личном занятии, и повернул его один раз.

Щёлкнул замок.

На странице под именем появился круглый рельеф. Я стояла достаточно близко, чтобы увидеть: Леонард не касался бумаги. Кожа его рук оставалась сухой, пальцы лежали на нижнем крае переплёта. Отпечаток проступил сам, медленно, как рисунок под листом, по которому проводят тупым карандашом.

Роберт вошёл. Дверь закрылась.

Я коснулась знака. Бумага не была ни горячей, ни влажной.

— Как это сделано?

— Ты умеешь пользоваться электричеством, не объясняя движение каждого электрона.

— Я знаю достаточно, чтобы не хвататься за оголённый провод.

— Именно поэтому я называю цену.

От его уверенности хотелось спорить ещё сильнее. Я промолчала и включила секундомер.

Роберт вышел через восемь минут сорок секунд. Он выглядел совершенно обычно, только глаза покраснели. Я усадила его на стул, спросила о самочувствии и протянула воду. Он пил маленькими глотками.

— Она пустила меня на кухню, — сказал он наконец.

Леонард не спросил, кто. Я тоже поняла.

— У неё там жёлтый стол. Я его никогда не видел. Мы не разговаривали почти два года. Она чистила грушу и сказала: «Пап, ты опять пришёл чинить то, что не сломано».

Роберт засмеялся и тут же вытер щёку ладонью.

— У неё в детстве был деревянный кит. Я ему всё хвост переклеивал. Она всегда так говорила. Никому больше. Даже мать не слышала, потому что они с матерью тогда уже...

Он оборвал фразу.

Это могла быть подсказка, забытый разговор, ловко вытянутая информация. Я знала достаточно о людях, чтобы не путать искреннее потрясение с доказательством. Но Леонард не выглядел человеком, который только что прочитал мысли. Он выглядел администратором, завершившим привычную процедуру.

— Теперь надо позвонить, — сказал Роберт.

— Вам показали, что будет? — спросила я.

— Что может быть.

Он сказал это спокойно, словно напоминал и себе тоже.

— И всё равно страшно?

Роберт посмотрел на телефон в своей руке.

— А вы думаете, хороший конец делаает первый звонок легче?

В десять часов он ушёл. Я видела через окно, как он остановился под фонарём, набрал номер и долго стоял, слушая. Потом повернулся к морю, прикрыл свободной рукой другое ухо и начал говорить.

Не было никакой возможности узнать, пустят ли его когда-нибудь на ту жёлтую кухню.

* * *

Симон позвонил мне сам. Свой номер я оставила ему вместе с обещанием сохранить ключ.

— Спасибо, что не отдали, — сказал он вместо приветствия.

В трубке шумел телевизор. Кто-то рядом просил пульт.

— Как вы?

— Вроде жить буду. Они оставляют меня. Анализы, кардиограмма, всё такое. Говорят, надо обследоваться. Я попросил врача с вами поговорить, если вам нужно. Завтра можно будет созвониться.

— Номер я запишу. Вы им показали фотографию?

— Показал. И паспорт. Они проверили дату. Один врач сказал: по состоянию похоже на человека старше, чем должно быть. Только вы это не называйте диагнозом. Он тоже не назвал.

Я опустила на край кровати в нижней гостиной. На стене висел тётин акварельный пейзаж, немного криво. Поправлять его я не стала.

— Что происходило перед тем, как вам стало плохо?

Симон тяжело вздохнул.

— Я хотел увидеть работу. Другую. Думал, буду смелее, если узнаю, что не пропаду. Глупо?

— Нет.

— Мне показали мастерскую. Я делал рамы. В молодости хотел. Вы представляете: столько лет считал чужие деньги, чтобы потом заплатить за картинку, где строго дерево.

Я закрыла глаза. Ещё недавно я считала всё это мошенничеством. Теперь второй человек рассказывал мне о невозможной услуге. Только Роберт после неё звонил дочери, а Симон лежал в больнице.

— Вспомните всё, что сможете, — попросила я. — Не обязательно сегодня. Просто не удаляйте фотографии и сообщения.

— Не удалю. Вы тоже ничего не выбрасывайте.

Мы попрощались. Я записала время звонка, слова о возрасте и имя врача, которое Симон продиктовал. Отдельно поставила знак вопроса возле слова «причина». Мне хотелось удержать хотя бы одну границу: между тем, что я наблюдала, и тем, во что меня приглашали поверить.

В кабинете пахло тётиным кремом для рук. Я включила настольную лампу, разобрала счета, поправила застрявший ящик. В глубине лежали запасные очки, старый степлер и красный блокнот с резинкой.

Эльза никогда не писала дневников. Она делала списки: что купить, кому позвонить, какую трубу заменить до морозов. Я узнала её почерк по резко уходящей вверх букве «д» и сначала увидела именно списки. Соль. Петли. Проверить запор на кухне.

На последних страницах почерк стал теснее. Строки налезали друг на друга, некоторые были перечёркнуты так яростно, что бумага прорвалась.

Я перевернула лист.

«Не закрывай девятую дверь, пока не пересчитаешь живых».

Ни обращения, ни пояснения. Ниже — схема из четырёх коротких линий и крошечная стрелка в сторону лестницы.

Наверху было восемь гостевых номеров. Я сама пересчитала их сегодня. Вспомнила последний — восьмой — и шкаф у торцевой стены. Девятой двери там не было.

Глава 4. В два семнадцать

В половине первого я ещё могла уехать.

На вокзале работал круглосуточный зал ожидания. В городе были другие гостиницы, где гости старели с обычной скоростью, а стены не произносили человеческих фраз. Можно было взять сумку, вызвать такси и завтра разбираться с домом при свете дня.

Вместо этого я наклеила на полу второго этажа пять полосок малярной ленты.

Это выглядело как разумный компромисс. Я не собиралась входить в номера, трогать замки или вскрывать стену. Только проверить одно измерение. До лестницы было четыре шага, телефон заряжен, внизу бодрствовала Мара. Я сфотографировала каждую отметку с привязкой к дверному наличнику и отправила снимки Северу.

Он ответил не сразу: «Вижу. Не уходите с площадки».

«Вы не спите?»

«Проверяю свободный наружный проход. У боковых ворот».

Я подошла к окну. Между оградой и тёмными кустами двигался луч фонаря. С улицы гостиница должна была выглядеть сонной: пара освещённых окон внизу, свет над служебной дверью, чёрная мансарда под скатами. Только я уже знала, как мало внешний вид говорил о том, что происходило внутри.

«Здесь всё спокойно», — написала я.

Я ещё раз посмотрела на полоски ленты. Всё было на месте.

Я села на нижнюю ступень верхнего марша. Красный блокнот лежал в сумке, мой собственный синий — на коленях. Я положила красный рядом и переписала из него предупреждение. В синем ему оставила отдельную строку, ниже замеров.

Я записала размеры коридора. Подчеркнула слова «восемь дверей». Потом дописала: «Женский голос, услышан мной и, вероятно, Марой». Слово «вероятно» пришлось оставить. Мара не сказала, что слышала то же самое. Она лишь попросила меня не отвечать.

Леонард проходил здесь за полночь, пожелал мне доброй ночи и предложил грелку. Я спросила о девятой двери. Он остановился, словно прислушивался к чему-то за моей спиной.

— Эльза называла так невозможное решение, — сказал он. — Если восемь дверей закрыты, ищи девятую. Твоя тётя любила подобные выражения.

— В контексте живых людей это звучит странно.

— После её болезни многое звучало странно.

Я спросила, какой болезни. Он ответил, что в последнее время она быстро уставала. О болезни я так ничего и не узнала. Леонард уже прощался, а я не смогла окликнуть его: пришлось бы снова обсуждать, насколько разумна была тётя перед смертью.

В два часа свет в коридоре потускнел. Я посмотрела на выключатель, затем на свежую лампочку, которую Мара принесла из кладовой. Она горела, как и остальные. Но света стало меньше.

Я встала.

Дальномер показал прежнее расстояние. Красная точка лежала на торцевой стене у отодвинутого шкафа.

В два шестнадцать откуда-то снизу донёсся металлический звук. Низкий, короткий, с неприятной дрожью на конце. Не входной колокольчик: его язычок был обмотан тканью. Этот звон я почувствовала в зубах.

Луч фонаря за окном остановился.

Я посмотрела на телефон. Прошло несколько секунд, и на экране стало 02:17.

Дверь шестого номера отодвинулась от меня.

Не распахнулась. Не шевельнулась вместе с тенью. Отодвинулась целиком — наличник, латунная цифра, вытертый участок ковра перед порогом. Между ней и пятой дверью возникла полоса обоев шириной с ладонь, затем ещё одна. Я видела, как рисунок на них переставал повторяться там, где должен был, и начинал новый ряд.

Я отступила к лестнице.

За спиной оказалась стена.

Я ударилась лопатками о твёрдую, прохладную поверхность и на секунду перестала понимать, в какую сторону смотрю. Слева висела знакомая гравюра корабля. Справа находилось окно, из которого я только что видела двор. Лестницы не было.

Тело отреагировало раньше мысли: я рванулась в сторону, провела ладонями по стене, нашла только обои. Неровность под пальцами, тонкий шов, старый клей. Всё было настоящим.

Телефон чуть не выпал. Я позвонила Северу.

— Ника?

— Лестница исчезла.

Собственный голос я услышала как чужой. Слишком громкий, слишком высокий.

— Где вы стоите?

— На площадке. То есть я стояла на площадке. Теперь здесь стена.

— Видите окно?

— Да.

— Подойдите к нему. Не открывайте и не перелезайте. Просто встаньте рядом.

Я сделала три шага. Хотелось прижаться к стеклу лицом, увидеть обычный двор и хотя бы вообразить, что можно оказаться снаружи. Отняв телефон от уха, я торопливо сняла стену на месте лестницы и вернулась к разговору.

Север поднял фонарь. Я увидела его куртку, запрокинутое лицо, белый прямоугольник телефона возле уха.

— Вижу вас. Оставайтесь там.

— Как вы подниметесь?

— Через пристройку. Нижняя дверь открыта, Мара внутри. Я поднимусь до заделки.

— Там нет прохода. Мы проверили.

— Проверьте свой торец. Только глазами. Где шкаф?

Я повернулась. Коридор стал короче. Шкаф стоял так близко, что я могла различить круг от чайника на пыльной полке. За ним чернела узкая щель.

— Есть проём.

— Вот к нему и двигайтесь. Медленно. Отметьте, сколько дверей проходите.

Я пошла вдоль стены, удерживая ладонь на обоях. Первая дверь, вторая. На третьей я обнаружила номер восемь, хотя он должен был находиться в самом конце. Латунь выглядела влажной.

— Восьмая не на месте, — сказала я.

— Не входите.

— Я не собиралась.

— Знаю. Мне нужно слышать ваш голос.

Я начала рассказывать о том, что видела. Узор. Плинтус. Разошедшийся стык ковра. Красная полоска ленты, приклеенная мною у шестой двери, теперь находилась на противоположной стороне. Пока я находила названия этим вещам, мне удавалось идти.

Из щели пахнуло мокрым кирпичом.

— Север, вы сверху или снизу?

— На верхней площадке. Передо мной стена, но справа есть разрыв.

— У вас справа к морю?

— Да.

Я посмотрела на окно за спиной, мысленно развернула план. Старый корпус шёл вдоль берега, пристройка примыкала под углом. Если он повернёт к морю, уйдёт вдоль стены, которая не совпадает с нашей...

— Нет. Не идите вдоль разрыва. Он выводит под скат. Вам надо налево, к внутреннему углу. Там лестничная клетка кирпичная. Проверьте фактуру, не цвет.

На линии послышался шорох.

— Есть кирпич.

— Теперь прямо. Я вижу серую стойку, за ней щель. Посветите.

Тонкая полоса белого света легла мне на ботинки.

Я сделала шаг и вдруг увидела его руку, просунутую между косяком и краем стены. Ладонь была развёрнута вверх, пальцы разведены.

— Дайте руку.

Я вцепилась в его ладонь так, что потом пришлось отдельно расслаблять пальцы.

Проём оказался шире, чем выглядел. Север повернулся боком, пропустил меня вперёд, и под подошвой вместо мягкого ковра захрустела кирпичная крошка. Я почувствовала твёрдую опору с такой благодарностью, будто её специально для меня только что построили.

Он придержал меня за локоть.

— Дышите медленнее.

— Я дышу.

— Пока часто.

Я рассмеялась одним коротким неприятным звуком. Север не улыбнулся. Он посветил на мою щёку, проверяя, не порезалась ли я, и ослабил хватку.

За его плечом, в узком окне старого корпуса, стояла женщина.

Я увидела светлое лицо, убранные волосы и тёмную рабочую куртку. Она смотрела в нашу сторону. В следующую секунду показалось, что стекло отражает кого-то за моей спиной, но сзади была только кирпичная стена.

Север обернулся.

Рука на моём локте исчезла.

— Вера.

Я едва расслышала имя. Север уже смотрел в окно, забыв про меня.

Женщина подняла ладонь. Я не услышала слов, но Север шагнул обратно к щели.

— Подождите, — сказала я.

Он не ответил.

Я встала у него на пути и положила ладонь ему на рукав.

— Посмотрите на пол. Там ковёр. Здесь кирпич. Только с этой стороны мы знаем, где находимся.

Север смотрел мимо меня. Я видела, как ходит мышца у него на щеке.

— Вы сказали, вам нужно слышать мой голос, — продолжила я. — Теперь мне нужно, чтобы вы слышали мой. Мы не знаем, что там. Я даже не знаю, кто она.

Он медленно перевёл взгляд на меня.

За стеклом уже никого не было.

Несколько секунд мы стояли так близко, что я чувствовала, как от его куртки пахнет дождём и холодным воздухом. Я всё ещё держала его за рукав. Разжала пальцы, но отойти первой не смогла.

— Вниз, — сказал он наконец.

На этот раз я не стала спорить.

* * *

На кухне Мара поставила перед нами чашки, затем ушла проверить постояльцев в нижних комнатах. Она увидела наше состояние и не спросила ни о чём. Это тоже придётся когда-нибудь объяснить, подумала я, но пока не могла удержать в голове больше одного вопроса.

Север сидел у стола, положив предплечья на край. Левый рукав задрался. Ожог оказался длиннее, чем я предполагала: от основания ладони к предплечью тянулась бледная неровная полоса.

— Болит? — спросила я.

Он посмотрел на руку, будто забыл, что она существует.

— Обычно нет.

Я подсела напротив. Сумка мешала на коленях, и я поставила её под стол, проверив прежде, на месте ли ключ шестого номера и красный блокнот. Обычное движение успокоило. Проверить предметы оказалось легче, чем собственную память о последних двадцати минутах.

— Вера была здесь во время пожара?

— Да.

— Она погибла?

Север кивнул.

Я ждала. Чайник негромко стучал крышкой. За стеной гудел холодильник, в котором, скорее всего, лежали яблоки Роберта Крейна. Мир продолжал предлагать совершенно ненужные бытовые подробности, и я цеплялась за них.

— Двенадцать лет назад, — сказал Север. — Вера была моей напарницей. С ней вошли ещё двое. Они не вышли.

— Вы думаете, увидели её?

— Я знаю её лицо.

— Я не спрашивала, узнаете ли вы. Я спрашиваю, считаете ли вы, что это она.

Он поднял глаза. В них было столько усталой злости, что мне захотелось извиниться, но я удержалась. Вопрос был важнее моего желания понравиться.

— Нет, — сказал он после паузы. — Не считаю. Но это не означает, что легко посмотреть и уйти.

Я вспомнила тётину чашку. Если бы Эльза появилась сейчас в кухонной двери и сказала, что в кладовой снова течёт, я не стала бы первым делом проверять, совпадает ли дверь с планом.

— Понимаю.

— Не надо.

— Хорошо. Не понимаю. Но кое-что могу представить.

Он выдохнул и потер ладонью лицо.

— Простите. Я не на вас.

— Знаю.

Мы молчали, пока чай немного не остыл. Он дважды посмотрел на сахарницу, не замечая её. Я подвинула её поближе.

— Вы видели, что произошло с коридором? — спросила я.

— Я видел проход там, где днём была стена. А лестница в пристройке осталась на месте.

— Раньше такое случалось?

Он сжал ложку.

— Я долго пытался это доказать.

Он положил ложку на блюдо. Я подождала, не продолжит ли, потом достала синий блокнот и показала измерения и последовательность фотографий. Последняя, сделанная у окна, запечатлела часть стены на месте лестницы. Снимок выглядел плохо: пересвеченная штука-турка, мой рукав, смазанный угол. Но он был.

Север приблизил изображение.

— Пришлите оригинал. И не редактируйте.

— Я не собиралась накладывать красивый фильтр на собственную ловушку.

Он впервые за весь разговор улыбнулся. Улыбка быстро исчезла, но я успела её увидеть.

— Утром приду с коллегой. Проверим доступные помещения, ограничим заселение. С этим зданием нельзя продолжать работать как раньше.

— Люди за стеной тоже не могут ждать, пока мы подберём правильную формулировку.

— Поэтому будем искать реальный путь. Но больше никаких одиночных наблюдений.

— Я была в четырёх шагах от лестницы.

— Знаю.

Он сказал это тихо. Я помнила каждый из тех четырёх шагов. Их оказалось недостаточно, а другого довода у меня не было.

— Хорошо, — сказала я. — Вместе. Только тогда вы тоже не идёте за знакомым лицом без меня.

Север посмотрел на пустой дверной проём кухни.

— Договорились.

До рассвета мы сверяли снимки и ждали нового стука. Больше никто не позвал. Когда Север собрался уходить, окна уже посветлели. Мара принесла мне ещё одну лепёшку, хотя я сказала, что уже поела. Я проводила Севера до крыльца. Он задержался возле мотоцикла, оглянувшись и дождался, пока я войду внутрь.

Я впервые подумала, что в этом доме можно бояться не только за себя.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.